

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВЫХ УГРОЗ

Ашурова Нилуфар Уктамовна

доцент Университета общественной безопасности Республики
Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам

Аннотация: В статье исследуются актуальные проблемы совершенствования уголовной ответственности за преступления против несовершеннолетних в условиях стремительного развития цифровых технологий и расширения спектра цифровых угроз. Анализируются особенности преступных посягательств, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, включая распространение противоправного контента, создание и использование дипфейк-материалов, незаконный оборот персональных данных, онлайн-эксплуатацию и иные формы цифрового насилия в отношении несовершеннолетних. Оценивается эффективность действующих норм уголовного законодательства, выявляются пробелы и коллизии правового регулирования. На основе изучения зарубежного опыта и международных стандартов предлагаются научно обоснованные рекомендации по совершенствованию уголовно-правовых механизмов ответственности, направленных на усиление защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в цифровой среде.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, цифровые угрозы, уголовная ответственность, киберпреступность, дипфейк, персональные данные, онлайн-эксплуатация, цифровое насилие, преступления против личности.*

IMPROVING RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST MINORS IN THE CONTEXT OF DIGITAL THREATS

Ashurova Nilufar Uktamovna

Associate Professor of the University of Public Safety of the Republic of
Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law

Abstract: The article examines the current problems of improving criminal liability for crimes against minors in the context of the rapid development of

digital technologies and the expansion of the spectrum of digital threats. The specifics of criminal encroachments committed using information and communication technologies, including the dissemination of illegal content, the creation and use of deepfake materials, the illegal circulation of personal data, online exploitation, and other forms of digital violence against minors, are analyzed. The effectiveness of the current norms of criminal legislation is assessed, gaps and contradictions in legal regulation are identified. Based on the study of foreign experience and international standards, scientifically substantiated recommendations are proposed for improving criminal liability mechanisms aimed at strengthening the protection of the rights and legitimate interests of minors in the digital environment..

Keywords: *minors, digital threats, criminal liability, cybercrime, deepfake, personal data, online exploitation, digital violence, crimes against individuals.*

Глобальное развитие информационных технологий, искусственного интеллекта и цифровых платформ формирует принципиально новую правовую реальность в сфере обеспечения прав и свобод человека. В частности, цифровизация процессов обработки, хранения и распространения персональных данных обуславливает расширение объектов уголовно-правовой охраны. В данном контексте права несовершеннолетних нуждаются в особой защите, что прямо закреплено в международных правовых актах, предусматривающих необходимость усиленных гарантий для данной категории лиц.

Стремительное развитие информационных технологий, искусственного интеллекта и цифровых платформ в мировом масштабе формирует совершенно новую правовую реальность в сфере обеспечения прав и свобод человека. В частности, цифровизация процессов обработки, хранения и распространения персональных данных требует расширения объектов уголовно-правовой охраны. В этом процессе права несовершеннолетних нуждаются в особой защите, и международно-правовые документы также строго определяют необходимость усиленной защиты этой категории.

В Конвенции ООН о правах ребёнка защита чести и достоинства ребёнка, его частной жизни и репутации закреплена в качестве одной из основных обязанностей государств. В соответствии со статьёй 16 Конвенции ни один ребёнок не должен подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, а также незаконным посягательствам на его честь и репутацию[1]. Кроме того, в резолюциях Генеральной

Ассамблеи ООН, посвящённых защите прав ребёнка в цифровой среде, государствам рекомендовано криминализировать деяния, совершаемые с использованием цифровых технологий в отношении детей[2].

Будапештская конвенция Совета Европы о киберпреступности предусматривает установление уголовной ответственности за незаконный доступ к информационным системам и данным, незаконное получение и распространение персональной информации. Положения данных международных актов служат важной методологической основой для совершенствования национального уголовного законодательства[3].

В научной литературе существуют различные взгляды на новые формы цифровой преступности, в том числе на деяния, совершаемые с помощью технологий дипфейка. Некоторые ученые подчеркивают необходимость отнесения таких деяний к преступлениям против информационной безопасности[4, с. 410], другие считают целесообразным выделить их в отдельный состав преступлений против личности[5, с. 256]. Например, С. Роуз-Аккерман указывает, что основная опасность правонарушений, совершаемых в цифровой среде, связана с подрывом института доверия в обществе, и подчеркивает необходимость установления строгих уголовно-правовых мер в отношении таких деяний[6]. Некоторые ученые-правоведы оценивают ущерб, причиняемый контентом, созданным с помощью дипфейка, как "ущерб с виртуальными, но реальными последствиями" и пытаются отдельно обосновать его уголовно-правовую значимость[7].

Мы разделяем данные позиции и считаем, что в условиях развития современных технологий количество угроз как в отношении несовершеннолетних, так и в отношении совершеннолетних лиц постоянно возрастает, что объективно обуславливает необходимость углублённого анализа и выработки адекватных правовых мер реагирования.

В научных дискуссиях одним из ключевых вопросов является правомерность установления ответственности за создание контента без фактического участия потерпевшего. Некоторые авторы считают, что при отсутствии реального участия лица нельзя говорить о нарушении его прав. Однако противоположная точка зрения представляется более обоснованной, поскольку определяющим критерием является общественное восприятие такого контента и причинение потерпевшему морального вреда[8]. Практика свидетельствует о том, что материалы, созданные с использованием дипфейк-технологий, наносят ущерб чести и репутации человека не в меньшей степени, чем подлинные фото- или видеоматериалы.

В открытых источниках неоднократно фиксируются случаи шантажа, вымогательства и попыток сексуальной эксплуатации с использованием дипфейк-видео, в которых якобы фигурируют несовершеннолетние. В подобных ситуациях действующее уголовное законодательство зачастую опирается на общие нормы, что препятствует формированию единообразной правоприменительной практики.

Статистические данные международных и национальных аналитических центров свидетельствуют о неуклонном росте преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием цифровых технологий. Согласно отчётам ЮНИСЕФ и Интерпола, значительная часть преступлений в сети Интернет связана с вовлечением детей в противоправный контент, распространением материалов сексуального характера, а также незаконным сбором и использованием персональных данных.

В Республике Узбекистан в последние годы также наблюдается тенденция увеличения количества преступлений, совершаемых в цифровой среде. При этом особую обеспокоенность вызывают факты посягательств на честь, достоинство и неприкосновенность частной жизни несовершеннолетних, осуществляемых посредством социальных сетей и мессенджеров. Практика показывает, что существующие нормы уголовного законодательства не в полной мере учитывают специфику цифровых форм преступности.

По данным МВД Республики Узбекистан, в 2024 году в республике от преступлений пострадали в общей сложности 46 827 человек, из них 1 661 (3,5%) - дети до 12 лет, 533 (1,1%), дети 13-14 лет и 1 870 (4%) - дети 15-17 лет, общий показатель составляет 4 064 человека или 8,6%.

За 7 месяцев 2025 года из 15 180 жертв преступлений 1 475 были несовершеннолетними, что составляет почти 10 процентов.

Кроме того, в 2024 году 38 (1%) несовершеннолетних, пострадавших от преступлений по видам совершенных преступлений, стали жертвами преступлений против жизни, 473 (11,6%) - преступлений против здоровья, 516 (12,6%) - преступлений сексуального характера и против нравственности, 481 (11,8%) - преступлений в сфере экономики, 2 467 (60%) - преступлений против общественной безопасности и общественного порядка.

В 2025 году 16 несовершеннолетних (1%) стали жертвами преступлений против жизни, 209 (14%) - преступлений против жизни или здоровья, 140 (9,4%) - преступлений сексуального характера и против нравственности, 213 (14,4%) - преступлений в сфере экономики, 867 (58,7%)

- преступлений против общественной безопасности и общественного порядка.

Анализ статистических данных за 2 года показал, что наибольшая доля несовершеннолетних в качестве потерпевших приходится на преступления, связанные с нарушением правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств 2 157 человек (53% от общего числа жертв преступлений), далее следуют 302 (7,4%) жертв развратных действий в отношении лиц, не достигших 16 лет, преступлений сексуального характера, на 3-м месте 238 (5,8%) жертв хулиганства, 228 (5,6%) краж, 181 (2,9%) изнасилований и сексуальных домогательств, 119 случаев мошенничества, 78 грабежей, 40 случаев вымогательства, 29 случаев торговли людьми, 15 случаев разбоя[10].

Анализ вышеуказанной статистики преступности также показывает, что угрозы, совершаемые в отношении несовершеннолетних, увеличиваются год от года. Также, анализ положений Уголовного кодекса Республики Узбекистан позволяет сделать вывод о том, что ответственность за деяния, связанные с распространением порочащей информации, незаконным использованием изображений и вмешательством в частную жизнь, установлена преимущественно в рамках общих составов преступлений. Вместе с тем специальные нормы, ориентированные на защиту несовершеннолетних от цифровых угроз, носят фрагментарный характер.

Опыт зарубежных стран показывает, что в ряде стран введены отдельные составы преступлений для фальсификации и распространения персональных данных с использованием технологий дипфейка. Например, в некоторых штатах США установлена уголовная ответственность за синтетический порнографический контент, созданный без согласия лица[11]. Уголовное законодательство Германии предусматривает усиленную ответственность за цифровые деяния, направленные на нарушение неприкосновенности частной жизни[12]. В Южной Корее создание и распространение материалов сексуального характера посредством дипфейка считается тяжким преступлением[13].

Учитывая, что сегодня в результате стремительного развития информационных технологий в сети Интернет, даркнете, социальных сетях и на других различных платформах совершаются преступления в отношении несовершеннолетних, а также увеличились случаи покушения на жизнь лиц младше 18 лет в результате таких действий, возникает необходимость определения данной ответственности в качестве особо отягчающего обстоятельства.

Согласно статистике, в 2021 году произошло 902 случая суицида, из них в 52 случаях (5,7%) возбуждены уголовные дела и начаты следственные действия. В 2022 году было возбуждено 37 уголовных дел по 1 010 случаям суицида (3,6%), в 2023 году - 42 уголовных дела по 1 056 случаям (3,9%) [10].

В связи с увеличением случаев негативного воздействия на несовершеннолетних путем обработки их персональных данных при доведении этих несовершеннолетних до самоубийства, мы считаем, что данную норму следует определить как отдельноеотягчающее обстоятельство.

Опыт законодательства развитых стран подтверждает, что права личности могут быть эффективно защищены путем признания сексуального домогательства самостоятельным составом преступления и установления строгой ответственности за него. В частности, Уголовный кодекс Франции предусматривает уголовную ответственность за сексуальное домогательство, совершенное в общественных местах или через средства связи, такое деяние расценивается как посягательство на достоинство потерпевшего[11]. В немецком законодательстве также незаконные действия сексуального характера квалифицируются как преступления против сексуального поведения лица, даже если они совершены без физического прикосновения[12]. В законодательстве Великобритании и США сексуальное домогательство рассматривается как посягательство на личную неприкосновенность и сексуальную автономию человека, с существенным ужесточением ответственности, особенно в отношении несовершеннолетних[13].

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть вопрос о дополнении Уголовного кодекса отдельной статьёй, предусматривающей ответственность за создание, хранение и распространение цифрового контента, имитирующего участие несовершеннолетнего в противоправных либо аморальных действиях, независимо от фактического участия ребёнка. Подобный подход позволит устранить существующие пробелы и обеспечить более эффективную уголовно-правовую защиту прав несовершеннолетних.

Кроме того, требуется уточнение квалифицирующих признаков преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также введение повышенной ответственности в случаях, когда потерпевшим является несовершеннолетний. Это соответствует международным стандартам и практике ряда зарубежных государств.

Особое значение имеет развитие механизмов межведомственного взаимодействия между правоохранительными органами, органами опеки и попечительства, образовательными учреждениями и субъектами цифровых платформ. Эффективная профилактика цифровых преступлений в отношении несовершеннолетних невозможна без комплексного подхода, включающего правовое регулирование, технические меры защиты и повышение уровня цифровой грамотности населения.

Таким образом, проведённый анализ свидетельствует о том, что в условиях стремительного развития цифровых технологий несовершеннолетние становятся одной из наиболее уязвимых категорий лиц перед лицом современных преступных угроз. Расширение виртуального пространства, активное использование социальных сетей, мессенджеров и иных онлайн-платформ объективно создают новые формы посягательств на права, свободы и законные интересы детей.

Существующая система уголовно-правовой защиты несовершеннолетних в Республике Узбекистан в целом соответствует базовым международным стандартам, однако нуждается в дальнейшем совершенствовании с учётом цифровых вызовов. В частности, требуется адаптация уголовного законодательства к новым способам совершения преступлений, основанным на применении искусственного интеллекта, технологий подмены изображений (deepfake), а также автоматизированных систем распространения контента.

В этой связи представляется целесообразным:

— разработать и внедрить специальные уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за создание, хранение и распространение цифрового контента, имитирующего участие несовершеннолетних в противоправных либо аморальных действиях;

— предусмотреть в Уголовном кодексе квалифицирующий признак совершения преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий в отношении несовершеннолетнего;

— усилить санкции за преступления, посягающие на половую неприкосновенность, честь, достоинство и частную жизнь несовершеннолетних, если они совершены в цифровой среде;

— обеспечить развитие механизмов международного сотрудничества по выявлению и пресечению трансграничных цифровых преступлений против детей;

— расширить профилактические меры, направленные на формирование у несовершеннолетних навыков безопасного поведения в сети Интернет и повышение цифровой грамотности родителей и педагогов.

Реализация указанных предложений позволит создать более устойчивую и эффективную систему уголовно-правовой защиты несовершеннолетних в цифровой среде, а также повысить уровень гарантированности их прав и свобод.

Список использованной литературы (References)

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка [Текст]: принята 20 ноября 1989 года в Нью-Йорке. - Нью-Йорк: ООН, 1989. - 54 с.
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН "О защите прав детей в цифровой среде" [Текст]. - Нью-Йорк: ООН, 2021. - 18 с.
3. Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапештская конвенция) [Текст]: 23 ноября 2001 г. - Страсбург: Совет Европы, 2001. - 64 с.
4. Clough J. Principles of Cybercrime. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – 410 p.
5. Кибальник А.Г. Преступления в сфере компьютерной информации. – Москва : Юрайт, 2020. – 256 с.
6. Rose-Ackerman S. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 280 p.
7. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. – Москва : Норма, 2021. – 832 с.
8. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. – Киев : Наукова думка, 2018. – 240 с.
9. Лопашенко Н.А. Преступления против личности. – Москва : Норма, 2019. – 512 с.
10. Справка Центра правовой статистики и оперативно-отчетных данных МВД Республики Узбекистан о динамике преступности.
11. United States Code. Title 18 – Crimes and Criminal Procedure [Text]. – Washington, D.C. : U.S. Government Publishing Office, 2023.
12. Strafgesetzbuch (StGB) – Deutsches Strafgesetzbuch [Text]. – Berlin : Bundesministerium der Justiz, 2023.
13. Criminal Law of the Republic of Korea [Text]. – Seoul : Ministry of Justice, 2023.
14. Criminal Code of France [Text]. – Paris : Legifrance, 2023.
15. Strafgesetzbuch (StGB) – Deutsches Strafgesetzbuch [Text]. – Berlin : Bundesministerium der Justiz, 2023.
16. United States Code. Title 18 – Crimes and Criminal Procedure [Text]. – Washington, D.C. : U.S. Government Publishing Office, 2023.
17. Sexual Offences Act 2003 [Text]. – London : The Stationery Office, 2003

18. Citron D.K., Franks M.A. Criminalizing Revenge Porn // Wake Forest Law Review. – 2014. – Vol. 49. – P. 345–391.
19. Criminal Code of France [Text]. – Paris : Legifrance, 2023.
20. Sexual Offences Act 2003 [Text]. – London : The Stationery Office, 2003.
21. Criminal Law of the Republic of Korea [Text]. – Seoul : Ministry of Justice, 2023.
22. Социология молодёжи. Учебник. под ред. В.Т Лисовского. – Санкт-Петербург, 2016.
23. Безрукова О.Н. Социология молодежи: Учебно-методическое пособие. Факультет социологии СПбГУ. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2015. – С. 35.
24. Бабичев Арсений Георгиевич Преступления против жизни: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона // Автореф. дисс. на соискание ученой степени док. юрид. наук Казань – 2019 С.32-35
25. Доронина, Елизавета Борисовна Беспомощное состояние потерпевшего в структуре состава убийства: теория, закон, практика // автореф. кандидат юридических наук Челябинск 2004 С 1-177
26. Иванова, Людмила Михайловна Криминологическая характеристика корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, и их предупреждение // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Иркутск-2007 С 33.
27. Уголовный кодекс (в редакции от 01.01.2014 г.), Франция <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/14297>
28. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) УК РФ Статья 105. Убийство http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/5b3e04338020a09b25fe98ea83bc9362c8bc5a76/